

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.19>

Садокова Анастасия Рюриковна

[Народные представления о счастье в странах Дальнего Востока и символика мыши в японском фольклоре](#)

Цель исследования - на примере одного из самых распространенных в странах Восточно-Азиатского региона животных, символа счастья и благополучия, - мыши - показать, как этот образ интерпретируется в фольклоре и народной культуре японцев и при этом является важной частью современной японской культуры. Народная символика животных в Японии никогда прежде не была предметом специального исследования, и в этом заключается научная новизна работы, в которой предлагается комплексно рассмотреть образ мыши на примере проявления счастливой символики в произведениях сказочной прозы и народной обрядности. В результате показано, как образ мыши, наделенный устойчивой благожелательной символикой, находит свое отражение в произведениях устного творчества, современных обрядах и популярных до сих пор детских игрушках, что свидетельствует о прочной связи традиций и новаций в современной японской фольклорной культуре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/19.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 102-106. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.19>

Дата поступления рукописи: 13.07.2020

Цель исследования – на примере одного из самых распространенных в странах Восточно-Азиатского региона животных, символа счастья и благополучия, – мыши – показать, как этот образ интерпретируется в фольклоре и народной культуре японцев и при этом является важной частью современной японской культуры. Народная символика животных в Японии никогда прежде не была предметом специального исследования, и в этом заключается **научная новизна** работы, в которой предлагается комплексно рассмотреть образ мыши на примере проявления счастливой символики в произведениях сказочной прозы и народной обрядности. **В результате** показано, как образ мыши, наделенный устойчивой благопожелательной символикой, находит свое отражение в произведениях устного творчества, современных обрядах и популярных до сих пор детских игрушках, что свидетельствует о прочной связи традиций и новаций в современной японской фольклорной культуре.

Ключевые слова и фразы: символика; фольклор; образ мыши; японские сказки; народные обряды.

Садокова Анастасия Рюриковна, д. филол. н., проф.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
sadokova@list.ru

Народные представления о счастье в странах Дальнего Востока и символика мыши в японском фольклоре

Актуальность исследования определяется спецификой развития современной японской культуры, которая, как и культуры сопредельных стран – Китая и Кореи, – во многом ориентируется на традиционные ценности. На протяжении веков в Китае, а вслед за ним и во всех близлежащих странах, сложился определенный набор предметов, которые обозначали счастье, стали его предметными символами. Набор был чрезвычайно обширен и включал как предметы утвари и растения, так и животных – реальных и фантастических. Для достижения поставленной в работе цели видится необходимым решить следующие **задачи**: проанализировать общерегиональные представления о счастливой символике; на примере образа мыши рассмотреть, как в японской традиции происходит процесс переосмысления этого животного символа; выделить национальные японские черты в фольклорной интерпретации образа мыши. Исследование основывается на сравнительно-типологическом **методе** и методе системного анализа, благодаря которым появляется возможность выявить типологическое и индивидуальное в процессе развития благопожелательной символики.

Теоретической базой для написания статьи послужили труды отечественных исследователей, так или иначе обращавшихся к проблемам народной религии и благопожелательной символики [1-3], а также труды известных японских этнографов Кандзакэ Норитакэ [10] и Мицухаси Такэси [12]. Широко использованы произведения японского повествовательного фольклора [7; 9].

Практическая значимость работы заключается в том, что материал и выводы статьи могут быть использованы в педагогической деятельности для совершенствования востоковедческих и филологических курсов, а также в научной деятельности для более глубокого исследования фольклорных основ современной восточной литературы и культуры.

В странах Дальнего Востока категории счастья всегда уделялось огромное внимание. И хотя вслед за Китаем во всех странах региона под счастьем на протяжении веков понимались долголетие, здоровье, достаток и продвижение по службе, каждая национальная культура вкладывала в это понятие свои собственные представления. Когда-то, следуя заветам Конфуция, люди желали быть добродетельными, прожить долгую жизнь и умереть естественной смертью. Но, как отмечают исследователи, сегодня в Китае понятия «счастье» и «богатство» слились воедино. «В современном Китае все чаще богатство приравнивается к счастью, – пишет М. В. Суй. – Современные китайцы считают, что станут счастливыми, если повысят уровень своих доходов» [8, с. 163].

Конечно, материальные блага в странах Дальнего Востока всегда занимали важное место в иерархии счастья, однако под стать им были долголетие, а также знатность, получение образования и ученость. Так, например, в Корее особое значение придавалось символам долголетия, которыми украшали многостворчатые ширмы, выполненные яркими плотными минеральными красками, а также интерьеры в домах знати. И хотя для украшений использовался не полный набор символов долголетия, «десять бессмертных» (кор. *сипчансэн*) были известны каждому. К символам долголетия относили: солнце, скалу, сосну, воду, облака, бамбук, «траву вечной молодости» – *пуллохчо*, водяную черепаху, журавля и оленя [2, с. 107-108].

А еще в Корее на протяжении веков мерилом счастья считалось получение образования – ведь за этим следовали продвижение по службе и получение достатка. Не случайно поэтому вся средневековая корейская литература проникнута идеей учености и образованности. Счастьем воспринималась и великая цель – сдать государственный экзамен, а ученый и студент – ее важные персонажи. И. В. Корнеева писала даже, что произведения прозаического жанра *пхэсол* на эту тему «содержали народную мудрость и народные представления о “правильности” жизни, чтобы передать грядущим поколениям свои накопленные за века знания» [5, с. 204].

Однако представления о счастье имели в странах региона и вполне материализованные воплощения. На протяжении веков в Китае, а вслед за ним и во всех близлежащих странах, сложился определенный набор предметов, которые это счастье обозначали, стали его предметными символами. Набор был чрезвычайно обширен и включал как предметы утвари, так и растения и даже животных – реальных и фантастических. Отсюда возникла и традиция «дарить счастье», точнее – преподносить предметы или их изображения как пожелание тех или иных «аспектов» счастья.

Конечно, особого размаха эта традиция достигла в Китае, где церемониал предполагал произнесение большого числа благопожелательных фраз и формул, подношения «счастливых» предметов. Л. С. Васильев отмечает, что главным пожеланием в Китае было «три много» – лет, сыновей, богатства, что выражалось в изображении символических предметов. Так, например, семена граната означали пожелание иметь много сыновей, персик был символом долголетия, а олень, обозначение которого фонетически ассоциировалось с «жалованием чиновника», понимался как пожелание иметь высокий доход. При этом, как пишет Л. С. Васильев, «культ благопожеланий в Китае лишний раз подчеркивал не столько даже практичность и прагматичность рационалистического мышления китайцев, сколько ориентацию всей китайской системы ценностей на посюстороннюю жизнь» [1, с. 347-348]. То есть китайцы желали жить счастливо здесь и сейчас, а не в будущей загробной жизни. Можно сказать, что эта идея передалась и японцам, у которых сложилась система приобретения благопожелательных предметов и символов, действующих небольшой срок, например год.

В Китае, а затем и во всех странах Восточной и Юго-Восточной Азии представление о благопожелательных символах получило чрезвычайно широкое распространение и нашло свое отражение во всех сферах жизни этих народов: от дворцовых церемоний до народной культуры, от календарных и сезонных праздников до семейных обрядов. Эти символы стали изображать на картинах и гравюрах, на керамических изделиях и в виде керамических изделий, на поздравительных открытках, на ткани для одежды, на домашней утвари, на детских вещах. Большое значение приобрели изображения «счастливых» иероглифов – уже само написание на красивом листке иероглифов со значением «счастье» или «богатство» означало пожелание их приобретения.

Китайское влияние было очевидным, и большинство благопожелательных предметов были заимствованы соседями, хотя и не всегда получали распространение в той мере, в какой это было характерно для Китая. Так, во всех странах региона из Китая была заимствована символика сосны, бамбука и сливы как символов долголетия, стойкости и добрых перемен в жизни. В Корее получили распространение такие китайские символы счастья, как сорока, дракон, утки, а также пион как символ богатства. При этом в японской культуре ни сорока, ни утка не входили в число известных символов счастья. А пион, хоть и почитался «счастливым» знаком, уступал в популярности другим цветам. Дело в том, что в каждой национальной культуре региона благопожелательный предметный набор был разным: пусть многое было взято из Китая, но часть благопожелательных символов ориентировалась на собственную культуру и религию, на местную флору и фауну.

При этом понятие «счастье» даже в этом бесконечном наборе было дифференцированным. Все равно возникало уточнение: какое именно счастье? Богатство? Здоровье? Успех в карьере? Можно сказать, что дальневосточный набор благопожелательных символов «адресный» и каждый предмет «отвечает» за свою сферу деятельности. Так, заимствованный из Китая мандарин как символ означает пожелание богатства – ведь его цвет напоминает золото, а бамбук – символ стойкости, противостояния жизненным невздам: бамбук на ветру гнется, но не ломается. По этому же принципу и в других странах региона стали возникать национальные благопожелательные символы. Так, сегодня во всем мире известна японская кошечка с поднятой передней лапкой – символ достатка (приглашает деньги в дом) и гостеприимства (приглашает друзей и гостей), а в Корее благопожелательным символом стало изображение красавицы Чхунхян из средневекового сказания – символа женской верности. Известным корейским благопожелательным символом можно считать и черпак-шумовку из рисовой соломы, которую вешают над входом на кухню в последний день старого года или в первый день нового, – она призвана привлекать рис и даровать достаток. А также – «кармашки счастья» – маленькие тканевые мешочки красного цвета, на которых написаны благопожелательные иероглифы: счастье, богатство, благополучие.

При этом интересно, что народы региона по-разному «распоряжались» своими «счастливыми» предметами. Если в Китае и в Японии в большинстве случаев старались приобрести или подарить предметы, которые были направлены на то, чтобы *привлечь счастье*, в Корее, наоборот, наибольшее распространение получили предметы, призванные *отогнать несчастья*. Говоря о новогодней обрядности корейцев, Ю. В. Ионова в свое время отмечала, что «значительное место занимали обряды, направленные на умилоствление враждебных нечистых духов и ограждения от их пагубного влияния, для чего необходимо было заручиться и помощью тайных сил природы и духов предков» [3, с. 98]. Можно сказать, что подобный подход был характерен не только для сезонной обрядности, но и для всех сфер народной жизни корейцев.

Следует также отметить, что во всех странах региона, но особенно в Японии, особое значение издавна придавалось счастливым животным символам. Конечно, такие из них, как журавль и черепаха, были заимствованы из Китая, но свою оригинальную интерпретацию получили в Японии образы кабана, лошади, быка, тигра и многих других животных. Однако самым значимым символом счастья был и остается образ мыши, который можно считать и общерегиональным, и национально японским.

Особое почитание мыши было связано, прежде всего, с тем, что она входила в «двенадцатилетний цикл», то есть относилась к тем животным, по которым в странах Восточной и Юго-Восточной Азии принято считать

годы, дни и даже часы. Этот цикл как раз начинался годом Мыши, потому считалось, что от его благополучия зависит и весь двенадцатилетний цикл. Фольклорные тексты не раз пытались объяснить появление тех или иных животных в этом цикле, но больше всего народных историй было посвящено мышши и ее умению всех обхитрить. Рассказывалось, что Будда (или другое божество) решил, что двенадцать животных, которые в назначенный день явятся к нему первыми, получат свой именной год. Тогда бык, который все делал медленно, решил отправиться в путь еще накануне, чтобы на рассвете предстать перед Буддой. Но он не заметил, как хитрая мышшь примостилась у него за рогами и тоже отправилась в путь, потом спокойно заснув на его мощной спине. Когда же на рассвете бык пришел к Будде и склонился в почтительном поклоне, хитрая мышшь прыгнула со спины через голову быка и оказалась стоящей перед ним. Будде пришлось объявить, что мышшь пришла к нему раньше всех остальных, потому с ее года будет стартовать двенадцатилетний цикл. Именно поэтому и сегодня год Быка следует за годом Мыши [7, с. 186-189]. Так за мышью закрепились хитрость и умение подстроиться под обстоятельства, но со временем эти ее качества были переосмыслены и получили «положительную» оценку. В Японии мышшь считается прозорливой, умной и умеющей найти выход из любой сложной жизненной ситуации. Именно в этом качестве она и рассматривается как благожелательный символ.

Представления об особой дальновидности мышши основывались также и на чудесных историях, зафиксированных в древних японских письменных памятниках. Еще в древности по поведению мышши (крыс) люди определяли грядущие несчастья и большие перемены в жизни, наделяя мышшь даром предвидения. Не случайно эти представления нашли отражение в своде «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720), где в свитке 25, повествующем о времени правления императора Котоку (596-654), есть упоминание о крысах. Так, восьмой день двенадцатой луны 654 г. был обозначен так: «В эту ночь крысы бежали в сторону столицы Ямато». А в конце свитка, где речь идет о смерти императора и переезде наследного принца с матерью во дворец Капара в Ямато, следует возвращение к теме крыс: «Старые люди говорили: “Предвижение крыс в сторону столицы в Ямато было предзнаменованием того, что столица будет перенесена”» [6, с. 171, 173].

Кроме умения предвидеть разного рода события, мышшь наделяли и умением находить сокровища, которые в древности, конечно, ассоциировались не только с деньгами, но и с хорошим урожаем. Связь мышши и урожая была для японцев очевидна: если амбар пуст, мышши там и не заведутся. Именно поэтому мышшь стала восприниматься как синоним богатства. При этом японский фольклор всячески подчеркивал умение мышши быть благодарной и в знак благодарности одаривать героя разного рода сокровищами. Достаточно вспомнить забавную сказку «Мышиное сумо», в которой старик случайно подглядел за мышшами-борцами сумо и с печалью узнал в слабой мышшке ту самую, что жила в его доме. Они со старухой с того дня стали подкармливать свою мышшь, пока не заметили, что их тощая мышшка смогла победить толстую мышшь из богатого дома. А потом в обмен на вкусные рисовые лепешки *моти* мышшь из дома богача стала приносить тощей мышшке каждый день по золотой монетке, а та – отдавать их старикам, принеся в дом достаток [7, с. 12-15].

Жизнь мышши в норах также рассматривалась в Японии как хороший знак: этим объясняли умение мышши находить сокровища, хранящиеся под землей. Во многих японских сказках мышшь указывает герою путь к обогащению, показывая через норку проход к богатствам. Например, в сказке «Мышиный рай» мышшка в знак благодарности старику за то, что тот угостил ее огурцом, провела старика в мышшиные покои, где его накормили-напоили и одарили подарками [9, с. 77-83].

Вообще в японской культуре мышшиная норка нередко рассматривалась как путь в неведомый мир, в который с помощью мышши мог попасть и человек. При этом мышшь наделялась волшебными способностями. Например, она могла уменьшить человека до размера мышши, чтобы тот мог спокойно проникнуть в мышшиную нору. Самой известной историей о мышшиной норе, в которой можно спастись, является, конечно, эпизод из древнего японского мифологического свода «Кодзики» (712 г.), в котором юный бог Оокуни-нуси подвергается испытаниям со стороны бога Сусаноо, который отправляет его на поле и пускает железную стрелу. Оокуни-нуси должен принести эту стрелу. Но Сусаноо, увидев, что Оокуни-нуси зашел уже на середину поля, поджигает траву. Оокуни-нуси не только не может найти стрелу, но не может даже выйти с горящего поля. И тогда ему на помощь приходит мышшь, которая указывает место, где надо топнуть ногой, чтобы провалиться в мышшиную норку и там переждать, пока поле не выгорит [4, с. 65]. Этот эпизод на долгие века определил прочную связь между образами Оокуни-нуси и мышши. И потому никого не удивляет, что в храмах, где почитают этого великого бога, можно найти и изображения мышши.

Особенно интересно эта связь обнаруживается в храме Оотоё-дзиндзя в городе Киото. На его территории находится несколько небольших синтоистских святилищ, одно из которых называется Оокунися, то есть «Храм бога Оокуни». По обе стороны от него, там, где в других храмах обычно помещены каменные стражи-собакольвы, сидят две мышши: слева и справа. Одна держит круглую жемчужину – символ не только богатства, но и долголетия, другая несет свиток – символ учености и знаний [12, с. 96]. То есть к прозорливости и умению находить богатства в символике мышши прибавляются еще ум, образованность и желание даровать здоровье. Все это сделало мышшь чрезвычайно почитаемым животным в системе благожелательных японских символов. Более того, связь с Оокуни-нуси определила ее статус как животного, сопровождающего божество.

Как известно, бог Оокуни-нуси в народной культуре издавна рассматривался как вариант бога урожая Дайкоку, которого изображают стоящим на мешках с рисом и с большим перекинутым через плечо мешком, наполненным богатствами. А там, где рис и богатство, там должны быть и мышши. Именно поэтому бога Дайкоку с мышшкой на мешках можно встретить и в скульптурных изображениях, и в произведениях изобразительного

искусства. Каменные и деревянные изваяния этого бога стоят во многих храмах Японии. Их принято приветствовать, гладить, подносить нехитрые угощения – мандарин или конфетку, а также молить о благополучии.

Интересно, что и мышей в Японии также было принято просить о материальном достатке, считая их тесно связанными с богом урожая и богатства. Так, во многих районах Японии был широко распространен обычай в канун Нового года подносить угощение к мышинным норкам. Обычно в белый лист бумаги заворачивали, не сильно сворачивая, рис и рисовые лепешки *моти*. В некоторых районах угощения приносили в амбары и оставляли со словами: «Отведай, сестричка, наше угощение».

Такие подношения имели даже специальные названия: *нэдзуми-но тоситори* или *нэдзуми-но тосидама*, что можно перевести как «подношение/сокровище года для мышки». После подношения внимательно следили, возьмет ли мышь угощение. Если она съела поднесенный рис, это считалось хорошим знаком и означало, что грядущий год будет безбедным [10, с. 110].

Интересно, что любовь японцев к мышам как символу счастья и богатства нашла свое отражение и в народной игрушке. Например, в токийском районе Асакуса, в котором как нигде живы старые традиции, можно найти простую и милую игрушку. Ее называют «Нэдзуми-но фуся» («Мышиная мельница»). На разных концах небольшой дощечки сидят кошка и мышка. Кошка – черная, а мышка – белая, как та, которая сопровождает бога урожая Дайкоку. Над ними – цветная вертушка. Если на нее подуть, то дощечка начнет вращаться, и кошка как бы начнет ловить мышку. Можно дуть сильнее, и тогда дощечка тоже начнет крутиться быстрее. Но все равно кошка никогда не поймает мышку. И в этом великий смысл игрушки: доброе и светлое в жизни нельзя вот так просто поймать и съесть! Но даже зная, что кошка мышку не догонит, надо все равно дуть и дуть, потому что глагол «дуть», который по-японски звучит как «фуку», является омонимом слова «счастье», которое тоже произносится как «фуку», но записывается другим иероглифом. Так незатейливая игра становится сильным благопожелательным призывом и счастливым символом. А еще, как считает Кимура Ёситаки, известный мастер из Асакуса, «игрушка, которая может двигаться без устали, словно молится о том, чтобы у вас всегда было здоровье, а сегодня – энергия на целый день» [11, с. 58].

Таким образом, мы приходим к **выводам** о том, что традиционно в странах Дальнего Востока сложился и продолжает широко использоваться большой набор благопожелательных символов, в который входят предметы, растения и животные, которые в силу разных причин стали почитаться как особо значимые и наделялись особой счастливой символикой. На протяжении веков об этих символах слагались народные повествования, которые продолжают бытовать и сегодня, приобретая национальные черты. В Японии такого рода повествования тесно связаны с обрядовой и игровой символикой, что хорошо видно на примере образа мыши – одного из самых известных благопожелательных символов в странах дальневосточного историко-культурного региона. Эта новая для литературоведения тема требует **дальнейшего рассмотрения** в рамках всего комплекса японских благопожелательных символов или отдельно – животных символов счастья. Без понимания значения этих символов трудно осмыслить многие элементы современной японской, а также китайской и корейской культуры, ментальности этих народов, поскольку именно в этих странах, несмотря на технологии и прогресс, современность и сегодня тесно переплетается с традицией.

Список источников

1. Васильев Л. С. История религий Востока: учебное пособие для вузов. Изд-е 4-е. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 432 с.
2. Елисеева И. А. Искусство и культура Кореи: путеводитель по постоянной экспозиции. М.: Государственный музей Востока, 2010. 160 с.
3. Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее, середина XIX – начало XX в. М.: Наука, 1982. 232 с.
4. Кодзики: записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. Е. М. Пинус. СПб.: ШАР, 2000. 320 с.
5. Корнеева И. В. Корейский литературный жанр *ихэсол* и традиционное народное образование // Там, где цветет мугунхва и распускается сакура. Слово об ученом: коллективная монография / отв. ред. А. Р. Садокова. Казань: БУК, 2019. С. 201-204.
6. Нихон сёки. Анналы Японии: в 2-х т. / пер. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 2. 432 с.
7. Поле заколдованных хризантем: японские народные сказки / пер. с япон. Н. Фельдман, А. Садовой; обраб. Н. Ходза. М.: Искона, 1994. 240 с.
8. Сюй М. В. Символика счастья в культуре Китая // Дальний Восток России: историко-культурное наследие и социально-культурное развитие: чтения, посвященные памяти профессора Л. Н. Долгова: материалы Международной научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, 2014. С. 158-164.
9. Японские народные сказки: в 2-х т. / пер. с яп. и сост. В. Марковой; примеч. В. Марковой, А. Садовой. М.: Книжный клуб «Книголек», 2015. 704 с.
10. 神崎 宣武. 開運! えんぎ読本. 出版社: チクマ秀版社. 東京, 2000. 221 p. (Кандзаки Норитакаэ. Поворот судьбы к лучшему. Книга об энги. Токио, 2000. 221 с.).
11. 木村 吉隆. 江戸の縁起物. 出版社: 亜紀書房. 東京, 2011. 205 p. (Кимура Ёситаки. Благопожелательные символы Эдо. Токио, 2011. 205 с.).
12. 三橋 健. 神道の本. 出版社: 西東社. 東京, 2013. 256 p. (Мицухаси Такэси. Книга о синтоизме. Токио, 2013. 256 с.).

Folkloric Conceptions of Happiness in the Far Eastern Countries and Mouse Symbolism in the Japanese Folklore

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Dr
Lomonosov Moscow State University
sadokova@list.ru

A mouse is one of the most popular animals in the Eastern Asian countries where it symbolizes happiness and welfare. The paper shows how this image is interpreted in the Japanese folklore and identifies its role in the modern Japanese culture. Animal symbols in the Japanese national worldview have not been previously investigated, which determines scientific originality of the study, where a mouse image is analysed comprehensively by the example of fairy tales and folk rituals associated with a mouse as a symbol of luck. The research findings are as follows: the author shows how unambiguously the positive image of a mouse is represented in folklore, modern rituals and everyday practices, which indicates close interrelation of traditions and innovations in the modern Japanese folk culture.

Key words and phrases: symbolism; folklore; mouse image; Japanese fairy tales; folk rituals.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.20>

Дата поступления рукописи: 28.04.2020

В статье рассматривается «Большое предисловие» (I в. н.э.) к канонической «Книге песен» – первая и наиболее влиятельная в традиционной литературной мысли Китая поэтика. Цель исследования – выявление внутренней связи основных категорий этой поэтики и ее описание как целостной системы. Научная новизна работы заключается в комплексно-типологическом изучении предмета с привлечением данных западной литературной мысли, филологии, риторики и логики. Полученные результаты показали, что в поэтике «Большого предисловия» наряду с наличием тенденции к осознанию самостоятельного значения поэзии утверждается утилитарно-риторический подход к поэтическому творчеству.

Ключевые слова и фразы: классическая китайская поэтика; поэзия; музыкальный этос; риторика; жанр.

Семенов Иван Иванович, к. филол. н., доц.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
yise@yandex.ru

Первая поэтика Китая

«Большое предисловие» *Дасюй* 大序 (далее – Предисловие) к «Книге песен» *Шицзин* известно как первая теория поэзии и классика конфуцианской поэтики в Китае. Будучи совершенно мизерной по размеру, она поражает современного исследователя своим несравненным влиянием на развитие китайской литературной мысли. Ее краткие и внешне обрывистые положения стали основой многих более поздних поэтик.

Актуальность темы исследования определяется тем, что Предисловие, будучи издавна у «толкователей канона главным источником споров и оскорблений» [Цит. по: 28, с. 48], остается до сих пор, хотя и в менее эмоциональном восприятии, «яблоком раздора» среди исследователей. Разногласие начинается с определения границ Предисловия: можно ли относить к нему все предисловие к первой песне или только его часть. Нескончаемые споры вызывают датировка и авторство *Дасюй*. К настоящему времени их вариантов насчитывается уже более сорока. Обобщая, можно сказать, что они охватывают не меньше семи веков: с начала V в. до н.э. до III в. н.э., среди авторов или составителей называются Конфуций, его ученик Цзыся (507-? до н.э.), создатели школы Мао в передаче и истолковании «Книги песен» (первая пол. II в. до н.э.), эрудит I в. н.э. Вэй Хун, знаменитый экзегет Чжэн Сюань (127-200 гг.). Их вклад также рассматривают не по отдельности, а как проявление коллективного авторства. В связи с этим Предисловие признают сводом общих конфуцианских представлений о поэзии, сформировавшихся в предыдущие периоды. К наиболее авторитетным датам создания *Дасюй* относятся сер. II в. до н.э. и I в. н.э. Не менее радикально расходятся в понимании связности текста: одни считают его бессистемным и эклектичным, другие – вполне целостным; немало и тех, кто придерживаются средней между ними позиции. Сомнение вызывает сам предмет, т.е. идет ли речь в Предисловии о поэзии вообще или только о «стихах» канонической «Книги песен» (*Шицзин*). Отсюда другая проблема: имеется ли здесь в виду только использование этих старых «стихов» или также создание новых поэтических произведений. Далеко не однозначна трактовка так называемых «шести принципов» поэзии – уже одно различие в переводе их общего названия «принципы» (др. пер.: «начала», «классы», «категории», «искусства» и т.д.) говорит само за себя. Можно еще долго продолжать этот перечень.

Указанная цель исследования затрагивает, по существу, многие дискуссионные аспекты Предисловия, и для ее достижения в статье решаются следующие **задачи**: выявляются композиционные особенности Предисловия, обеспечивающие его единство; выясняется соотношение «стихов» *ши* 詩 с текстом, музыкой и танцем; раскрываются значение и функция поэзии.